

И. П. САХАРОВ

РУССКОЕ
НАРОДНОЕ
ЧЕРНОКНИЖИЕ
СОБРАНИЕ СУЕВЕРИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 389.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)
С22

Материалы, представленные в этой книге, публикуются исключительно в познавательных и развлекательных целях. Информация, изложенная в книге, не преследует цели оскорбить чьи-либо чувства. Материалы книги не предназначены для решения личных, медицинских или психологических проблем. Оценочные суждения, содержащиеся в книге, являются мнением автора и не могут рассматриваться без учета исторического контекста.

Сахаров, Иван Петрович.

С22 Русское народное чернокнижие. / И.П. Сахаров — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Текст и контекст).

ISBN 978-5-17-177959-7

Иван Петрович Сахаров (1807–1863) — один из первых собирателей русской народной словесности, фольклорист-самоучка и краевед.

Текст «Русское народное чернокнижие» входит в состав монографии Сахарова «Сказания русского народа» (1836). В нем собраны мифологические предания, заговоры, поверья, описания народной медицины и ворожбы — своеобразный каталог русских магических представлений.

Контекст открывает нам противоречия этой работы: современники критиковали исследователя за смешение фольклора с собственными домыслами. Сегодня наследие Сахарова рассматривается как документ эпохи, в течение которой зарождалась отечественная фольклористика.

В издание входят разделы «Русское народное чернокнижие», «Русские народные игры», «Русские народные загадки и притчи».

УДК 389.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-177959-7

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Иван Петрович Сахаров (1807–1863) — краевед, фольклорист, палеограф, этнограф. Родился в Туле в семье священнослужителя. Базовое образование получил в Тульской духовной семинарии, которую окончил в 1830 году, после чего поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета и получил врачебную специальность в 1835 году.

После окончания университета Сахаров был назначен для врачебной практики в Московскую городскую больницу, где проработал около года. В 1836 году поступил на службу в Почтовый департамент Министерсва внутренних дел в Санкт-Петербурге, получив должность врача, и сохранил это место до конца жизни. Несмотря на службу, Сахаров продолжал интересоваться историей и народным бытом, совмещая работу с занятиями археографией и собиранием этнографических сведений. Как отмечал он сам, значительное влияние на формирование его интересов оказала «История государства Российского» Н.М. Карамзина, пробудившая внимание к национальной традиции и идее культурной преемственности.

Обращение к фольклору стало логичной тенденцией в период правления Николая I, ознаменованный известной уваровской триадой «православие, самодержавие, народность». Идеи витали в воздухе: немецкий романтизм с концепцией *Volksggeist* и сказками братьев Гримм положил начало интеллектуальным поискам во всей Европе, а в России эти искания вылились в расцвет славянофильства.

Устное народное творчество постепенно избавлялось от уничижительного клейма простонародности и стало пониматься как ключ к коллективному духовному опыту.

В этом интеллектуальном поле формировались взгляды Сахарова — собирателя и популяризатора, стремившегося рассматривать народные верования и предания как исторический источник. Он видел в фольклоре способ познания национальной культуры и вместе с тем — одну из форм ее сохранения.

Первые публикации появились у Сахарова в очень юном возрасте — в 1830 году. Уже в 1832 г. была напечатана первая часть книги *«История общественного образования Тульской губернии»*, составленная на основе архивных документов. Эта работа стала первой попыткой Сахарова соединить эмпирический материал с историческим осмыслением региональной жизни. В последующие годы Сахаров публиковал статьи о древних грамотах, церковных памятниках, обычаях и обрядах, а также сборники песен и пословиц.

Самый популярный труд Сахарова — двухтомник *«Сказания русского народа»*, вышедший в 1836 году и выдержавший множество переизданий. Эта книга стала первым в России опытом систематизации фольклорно-этнографических материалов, собранных из устных и письменных источников. Первый том включал следующие разделы:

Книга I. Русская народная литература (включает отделы «Славяно-русская мифология», «Песни русского народа», «Русские народные праздники»);

Книга II. Очерки семейной русской жизни (включает статьи «Русское народное чернокнижие», «Русские народные игры», «Русские народные загадки и притчи», «Русские народные присловья»);

Книга III. Русские народные песни;

Книга IV. Памятники древней русской литературы (включает «Былины русских людей», «Слово о полку Игоревом», «Слово Даниила Заточника», «Сказание о нашествии Батыя на Русскую землю», «Сказание о Мамаевом побоище»).

Работа над «Сказаниями...» стала результатом огромного по объему собирательского труда. Сахаров привлекал к нему корреспондентов из разных губерний, многие из которых присылали ему записи местных песен и поверий. Он пользовался также письменными источниками — рукописными сборниками и старопечатными изданиями XVII–XVIII веков, что делало материал неоднородным.

Первоначально автор задумывал «Сказания русского народа» как многотомное издание, где каждая книга раскрывала бы отдельную сторону народной жизни. В письмах и предисловиях он упоминал о намерении посвятить последующие части демонологии, пословицам, древнему праву, искусствам, генеалогии и др. — всего было анонсировано семь томов. После выхода первого тома Сахаров продолжил собирать материалы, однако из-за финансовых трудностей и слабого здоровья осуществить замысел полностью не смог.

Сразу после публикации первого тома особый интерес современников вызвала статья «Русское народное чернокнижие». Это одно из самых ранних в отечественной науке систематических описаний народных представлений о магии, колдовстве и «запретных» практиках. Сахаров собрал рассказы, поверья, заговоры, описания обрядов, бытовавшие в крестьянской среде, стремясь показать их как часть народного мирозерцания. При всей наивно-

сти подачи и отсутствии строгой классификации, исследователь сделал важный шаг в сторону научного осмысления народных верований, рассматривая их как культурный феномен, укорененный в повседневной жизни.

Эта работа интересна и как отражение мировоззрения самого автора. Для Сахарова «чернокнижие» было поэтической формой народного знания, в которой соединялись архаические представления о мире и христианские мотивы. В этом ощущается влияние романтической традиции, стремившейся увидеть в народной культуре живую связь с древностью.

Значение «Сказаний...» трудно переоценить. Сам «неистовый» Виссарион Белинский писал в рецензии на первый том:

«И.П. Сахаров — не теоретик: он даже иногда посмеивается над теориею, а иногда и побранивает ее, и потому не думайте встретить в его книге ни теоретических взглядов на ту или другую сторону русского быта, ни, так сказать, исторической архитектоники, ни попытки представить стройное изображение древней русской жизни; нет, г. Сахаров так добросовестен, что и не брался за подобное изображение; он лучше, чем кто-нибудь, знает, что это дело невозможное и что один только бесстыдный, достойный всякого презрения шарлатанизм может в великолепной программе обещать представить Россию во всевозможных видах и отношениях, — тогда как для этого нет ни у кого в мире ни сил, ни материалов... Он избрал себе часть истинно благоую и истинно полезную: он

собирает материалы — песни, сказки, поверья, предания, пословицы, обычаи, письменные памятники древности и, не мудрствуя лукаво, передает все это со всевозможной точностью и верноcтью своим соотечественникам».

В то же время критики указывали на отсутствие у автора строгих методов анализа, неразличение подлинного фольклора и литературных вставок, а также на доверчивость к источникам. Сахаров нередко включал в тексты сведения сомнительного происхождения, полагая, что его корреспонденты «из народа» не могут врать о самих себе. Апполон Григорьев в своей работе 1854 года обвинял Сахарова в нарушении ритмико-мелодической и лексической структуры народных песен при публикации, указывая на стилистическую обработку материала. Позднейшие исследователи подтверждали, что рядом с подлинными записями в «Сказаниях...» встречаются компиляции из книжных источников, реконструкции и редакторские переработки — и это при том, что сам составитель упрекал своих предшественников в вольном обращении с устным материалом. Так, в разделе о заговорах Сахаров систематически удаляет из текстов обороты, отсылающие к религии, избавляясь от влияния народного православия. Такую редактуру можно отчасти оправдать превентивной цензурой, но есть и другие типы искажений: подмена слов, «олитературивание» просторечий и регионализмов, добавление нарочито древних форм.

По совокупности причин труды Сахарова нельзя считать строго научными в современном понимании, но они представляют собой важный этап

становления этнографического подхода в России. Его книги отражают переходный характер эпохи: от модного интереса к старине к систематическому сбору и изучению народной культуры.

«Сказания русского народа» оказали значительное влияние на развитие отечественной фольклористики. Именно после выхода этой книги к собиранию устного наследия обратились П. Н. Рыбников, А. Н. Афанасьев, А. Ф. Гильфердинг и другие исследователи. Появление «Сказаний» закрепило за фольклором статус самостоятельного культурного явления и предмета научного интереса.

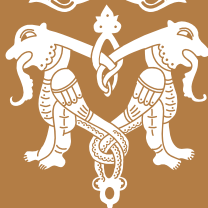
Сегодня «Русское народное чернокнижие» и другие работы Сахарова ценны прежде всего своим двойственным характером: они одновременно являются источником фольклорных данных и свидетельством способов их интерпретации в первой половине XIX века. Эти тексты показывают, как народная культура воспринималась образованным обществом своего времени и как именно она была переведена в письменную форму.

В настоящее издание входят статьи второй книги первого тома «Сказаний русского народа»: «Русское народное чернокнижие», «Русские народные игры», «Русские народные загадки и притчи». Такой состав выбран не случайно: эти тексты объединены темой повседневной культуры, в которой сосуществуют магическое и игровое, сакральное и бытовое.

Публикуя эти тексты, мы возвращаем читателю и памятник народного воображения, и свидетельство научного поиска первой половины XIX века — во всей его увлекательной, но противоречивой полноте.

РУССКОЕ
НАРОДНОЕ
ЧЕРНОКНИЖИЕ

ПРЕДСКАЗАНИЯ И СКАЗАНИЯ О РУССКОМ ЧЕРНОКНИЖИИ

Народные предания

Тайные «Сказания русского народа» всегда существовали в одной семейной жизни и никогда не были мнением общественным, мнением всех сословий народа. Века и события, изменявшие Русскую землю, обновляли людей вместе с их понятиями; но в этих обновлениях не могли участвовать все народные сословия. Люди, близкие к престолу, люди, участвовавшие в служении Церкви, люди, исполнявшие общественные должности по городам, — более всех обновлялись; люди промышленные участвовали в обновлении исполнением только нужд, примыкали к людям с обновленными понятиями, но никогда не выходили из границ семейной жизни; люди сельские всегда и постоянно находились в семейной жизни. Взгляните на их занятия в XIX веке. Они одни и те же, какие были в X, XII и XVIII веках: там и здесь земледелие, там и здесь сельская промышленность, там и здесь поверья. Люди, обновлявшие свою жизнь, оставляли понятия и поверья, противные образу их

действия; люди, оставшиеся в неизменной жизни, никогда не изменяли ни своих понятий, ни своих поверий. Вот от чего в рассказах поселян мы доселе слышим были о старой русской семейной жизни.

Предания русского народа вмещают в себе все подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род. Наши письменные памятники намекают о них тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредные следствия. Представляем здесь словесные предания русского народа о тайных сказаниях чернокнижия, известного доселе нашим простолюдином.

Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижия, отрекались от бога, родных и добра. Так понимали этих людей предки, так теперь думают современники нашей сельской жизни. В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников. Мы не можем теперь обозначить этого отличия, как не можем сказать: в чем заключалось чернокнижие наших предков? Вероятно, что умственное образование, сообщаясь всем сословиям, изгладило из народной памяти различие этих олицетворений. Но народ доселе еще хранит в памяти предание о чернокнижии, доселе еще думает о возможности его бытия.

Говоря о чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научаются лихому делу от чертей и всю свою жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами,

чарами, обаяниями. Всякий чернокнижник, умирая, обязан передать эту книгу или родственникам, или друзьям. Во многих селениях есть поверья, не оспариваемые ни веками, ни людьми, поверья, что умершие чернокнижники приходят в полночь, одетые в белые саваны, в дома своих родственников. Это бывает только с теми, которые забывают передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказывают еще, что полночные посетители шарят по всем местам, садятся за стол и съедают все им предлагаемое. Другие же, напротив, уверяют, будто они, приходя к дому, стучат в двери и окна, истребляют всякий домашний скот и при пении последних петухов исчезают. Родственники, выведенные из терпения, выкапывают чернокнижников, кладут их во гробничком, подрезывают пятки, засыпают землю, где в это время дока шепчет заговоры, а родственники вбивают осиновый кол между плечами. Старики рассказывают, что когда-то один удалый молодец вздумал почитать оставшуюся книгу после чародея. Во время чтения явились к нему черти с требованием работы. Сначала он им предлагал работы легкие, потом трудные; но черти все являлись за новыми требованиями. Истомленный выдумками для отыскания работ, он не находил уже более для них занятия. Неотвязчивые черти задушили удалого молодца. С тех пор, говорят, никто не смеет приближаться к Черной книге. По уверению народа, одни только колдуны знают, чем занимать чертей. Они посылают их: вить веревки из воды и песка, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слонов, поддерживающих землю.

Народ никогда не любил чернокнижников, как врагов семейной жизни. Чародей бывает ли на свадь-

бе — он портит или жениха, или невесту, или гостей. Видит ли кудесник дружную жизнь в семействе — он портит мужа с женою, отца с сыном, мать с дочерью. Поссорится ли знахарь с поселянкою — он присаживает ей на нос килу¹. Обойдут ли колдуна приглашением на свадьбу — он бросает порчу на дорогу, где проезжает поезд, и тогда свадьба сбивается с толку. Испортит ли ведун женщину — она лает собакою, мяучит кошкою, и, когда положат на нее запертый замок, она выкликает своих недоброжелателей.

Старушки говорят, что порчи, произведенные чернокнижниками, бывают временные и вечные. Временные порчи отговариваются в деревнях доками, вечные же остаются до конца жизни. Молва народная гласит, что чародеи могут испортить человека за тысячу и более верст, выпуская из-за пазухи змею или ужа, которые залезают в чрево, и тогда кликуша чувствует, что порча подкатывается под сердце и лежит, как пирог. Чернокнижник, несмотря на свою злость к людям, никогда и никого сам собою не портит. Все это делается по просьбе людей враждующих, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту² на красу девичью и на молодечество. Любовь, выражаемая в селах сухотой, слывет напущением. В этом случае простолюдин, заметивши красоту девичью с сухотою, говорит: «Это неспроста — здесь замешалась чертовщина». От этого вошло в поговорку в сельском быту говорить при взгляде на непросыпного пьяницу, записного игрока: «Это напущено». Кроме этого, чернокнижникам приписывают обморочанье, узорочанье, обаяние.

---

1 Кила — новообразование: опухоль, бородавка или грыжа (*прим. ред.*).

2 Сухота, сухотка — народное название для ряда изматывающих, «иссушающих тело» болезней (*прим. ред.*).

Обморочить, слово, столь часто повторяемое в русских избах, выражает собою полное могущество чернокнижника. Ясно простодушие поселянина: обморочанье есть обман. Чародей, пленившись какою-нибудь вещью, уверяет хозяина, что в ней водится нечистая сила. Как не поверить чародею, знающему всю поддонную, видящему в землю на семь пядей! Простодушный со страхом вручает вещь, а чародей навсегда остается полным ее владельцем. И это значит обморочить. Так точно цыгане успевают уверять поселянок, что в их коробах, наполненных деньгами и вещами, завелись мертвые мыши. В таком случае, избавляя от мышей, они избавляют их от денег и вещей. И это значит тоже — обморочить. В народном рассказе сохранилось еще выражение, составленное из этого слова. Когда простолудина уверяют о предмете против его понятия, он говорит: «Что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародеями, слова, выговариваемые кудесниками. Наши поселяне так верят в узорочанье, что никакими доказательствами не можно их переуверить. Дадут ли старухе снадобья от лихорадки — она думает, что узорочанье истребляет ее болезнь. Привесят ли ей записку к ладонке — она уверена, что узорочанье спасает ее от всякого колдовства.

Обаяние есть чудесная сила, истекающая из кудесника, приводящая в недвижимость, в страх и трепет всякого человека. Воры обаянием усыпляют хозяев, зажимают рты собакам, смиряют свиней, утоляют ярость змей, усмиряют лошадей. В этом как-то нечаянно сошлись наши поселяне с магне-